

Научная статья

УДК [(94:39):001.891] (=554)

doi: 10.17223/19988613/78/21

Научное изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 50-е гг. XX в.

Александр Альбертович Сулейманов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Якутск, Россия, alexas1306@gmail.com

Аннотация. Изучается история исследования коренных малочисленных народов Севера, проживающих в арктических районах Якутии, в 1950-е гг. Выявлены и рассмотрены важнейшие реализованные в регионе научные проекты, показаны их персональный состав, методика проведения, география и ключевые направления. Дана характеристика основным положениям, выработанным участниками проведенных изысканий. Установлено, что в исследуемый период в силу комплекса факторов в Якутии произошла значительная активизация работы по научному изучению аборигенных этносов.

Ключевые слова: Якутия, коренные народы, Академия наук СССР, экспедиции

Благодарности: Работа выполнена с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН № 13.ЦКП.21.0016.

Для цитирования: Сулейманов А.А. Научное изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 50-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 161–171. doi: 10.17223/19988613/78/21

Original article

Scientific study of arctic indigenous peoples in Yakutia in the 1980s

Alexander A. Suleymanov

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, alexas1306@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the history of the scientific study of the indigenous peoples of the North living in the Arctic regions of Yakutia. The basis for the development of the topic was, first of all, archival materials (Manuscript Fund of the Scientific Archive of the Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Archive of the Russian Academy of Sciences; Scientific Archive of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology), including first introduced by the author into scientific circulation, as well as scientific literature. It is noted that in the indicated period there was a significant intensification of the process of scientific study of indigenous ethnic groups. Particularly in 1950s, the study began to be systematic and has not been interrupted to this day. This was due to a complex of objective and subjective factors, which included: increasing transport accessibility of areas of residence of representatives of indigenous peoples of the North, their compact concentration in settlements created during collectivization and settling, increased interest of the authorities in conducting research, development of a network of scientific institutions in Yakutia, as well as studies by talented scientists. In this regard, the main research carried out was identified and characterized: socio-ethnographic research under the direction of I.S. Gurvich 1951-1954, covering 11 out of 13 modern Arctic regions of Yakutia, field studies of the Even language by L.D. Rishes, K.A. Novikova and V.D. Lebedev, as well as the largest Yukaghir complex expedition of 1959. It is shown that, as a result of the work conducted, the first complete ethnographic study of the indigenous peoples of the North was carried out, an objective and adequate assessment of their current socio-economic situation was presented, the Yukaghir people, one of the most ancient indigenous ethnic groups of the Russian Arctic, were comprehensively studied. The research in the field of the Even language was also characterized by significant achievements. The main result of the research carried out in the 1950s was the documentation of an array of unique information that characterized the original traditional cultures of the North, which quickly dissolved in the course of unification processes. It is shown that the research process in the considered period was a symbiosis of the old and the new. Scientists moved both on traditional vehicles for the North (dogs, deer, branches, etc.), and newly introduced vehicles (aircraft, boats, etc.). It should be noted that I.S. Gurvich, the most prominent researcher of the period, was actually the last encyclopedic scientist in the history of scientific knowledge of the indigenous peoples of the North in Yakutia - he combined ethnographic, linguistic, folklore, sociological, economic and archaeological studies. At the same time, a new systematic practice started - representatives of indigenous ethnic groups in Yakutia began to study their ethnic groups and became full-fledged actors in research activity.

Keywords: Yakutia, Indigenous Peoples, USSR Academy of Sciences, expeditions

Acknowledgements: The study was carried out using of shared core facilities of the Federal Research Center ‘Yakutsk Science Center SB RAS’.

For citation: Suleymanov, A.A. (2022) Scientific study of arctic indigenous peoples in Yakutia in the 1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 161–171. doi: 10.17223/19988613/78/21

Расположенные за Северным полярным кругом 13 арктических районов Якутии занимают гигантскую площадь, сравнимую с территорией трех Франций. Помимо того, что эти районы объединяют суровый даже по сибирским меркам климат, значительные запасы разнообразных полезных ископаемых, крайне неразвита инфраструктура, состояние которой в том числе обуславливает необходимость использования специфического механизма организации снабжения, называемого «северным завозом», они являются местом традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера – долган, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров, а также русских арктических старожилов.

Рассматриваемый в данной статье период в жизни представителей названных этносов был ознаменован серьезными переменами. В 50-е гг. XX в. на севере Якутии завершилась реализация политики коллективизации и поселкования, в результате чего произошла концентрация населения, часть которого ранее была рассредоточена по небольшим селениям, а часть вовсе вела кочевой образ жизни, в относительно крупных поселках. В них в том числе появилась возможность получить медицинские и образовательные услуги. Последний фактор, наряду с изменениями в традиционной хозяйственной деятельности (новые направления деятельности колхозов), а также интенсификацией связей с пришлым населением, являлся важной компонентой этнокультурных трансформационных процессов.

Приток пришлого населения при этом существенно ускорился. Связан данный факт был в первую очередь с резкой активизацией процессов транспортно-промышленного освоения региона. В частности, получили развитие «морские ворота» республики – Тикси, осуществлялось строительство Нижнеянского порта, аэропортов в административных центрах арктических районов Якутии. Интенсифицировались разведка и добыча полезных ископаемых: золота, олова, сурьмы, угля и др.

Сосредоточение распыленных ранее по необъятным тундровым пространствам коренных малочисленных народов Севера в поселках, повышение транспортной доступности этих поселков за счет развития воздушного сообщения и инфраструктуры речных перевозок наряду со сложившейся этнокультурной ситуацией, когда резко изменилась сама среда жизнедеятельности аборигенных этносов, однако традиционные элементы культуры и хозяйства хорошо сохранились, создали чрезвычайно питательную почву для проведения научных исследований.

При этом именно в послевоенный период исследовательский потенциал Якутии значительно вырос. В 1947 г. была открыта Якутская научно-исследовательская база Академии наук СССР, через два года преобразованная

в Якутский филиал. В 50-е гг. XX в. к действующему Институту языка, литературы и истории (ИЯЛИ) ЯФ АН СССР добавились институты биологии и геологии. В 1957 г. Якутский филиал был включен в состав организованного Сибирского отделения (СО) АН СССР. К этому моменту численный состав его сотрудников составил около 400 человек, в том числе за счет привлечения квалифицированных специалистов из центральных научных учреждений Советского Союза.

Совокупность названных выше факторов позволила рассматриваемому в данной статье десятилетию стать одним из уникальных в деле научного познания коренных малочисленных народов Севера, проживающих в арктических районах Якутии. Значимость, характер и масштаб осуществленных в 50-е гг. XX в. изысканий, многогранность их направлений, особенности исследовательского корпуса позволяют, как представляется, рассматривать эти годы как самостоятельный, оригинальный период в истории развития научного знания в республике.

Характеризуя сложившуюся в регионе применительно к интересующему нас периоду историографическую ситуацию, следует отметить, что ранее, в том числе и автором данной статьи, были рассмотрены только отдельные эпизоды из истории исследовательской работы среди аборигенных этносов Заполярной Якутии – реализация ряда инициатив [1–3], разработка некоторой конкретной научной проблематики [4–7], а также деятельность персоналий [8–10]. Исследований же, в которых предпринимались бы попытки создать цельное представление об осуществлявшейся в арктических районах Якутии в течение 50-х гг. XX в. работе по научному изучению коренных малочисленных народов Севера, на настоящий момент не существует. В данной статье представлена первая в отечественной историографии попытка хотя бы частично восполнить этот пробел.

Актуализируют целесообразность заполнения обозначенной историографической лакуны непреходящая ценность и необходимость сохранения языкового и этнокультурного многообразия Севера, что едва ли возможно без своевременного проведения научных изысканий и скрупулезного анализа аккумулированных ранее учеными материалов. Представляется также, что именно сейчас, когда на повестке дня остро стоят вопросы реиндустриализации Российской Арктики и выработки новых подходов к ее освоению, изучение имеющегося опыта является одной из важных задач, решению которой может и должна способствовать работа ученых-историков.

Представленная работа основана главным образом на привлечении архивных материалов, в том числе впер-

вые вводимых автором в научный оборот, которые хранятся в Рукописном фонде Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (Якутск), Архиве Российской академии наук, Научном архиве Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), а также данных научной литературы.

Несколько забегаая вперед, следует отметить, что существенная часть рассматриваемых в данной статье исследовательских инициатив так или иначе связана с именем выдающегося советского североведа И.С. Гурвича (1919–1992). В Якутии будущий ученый оказался в 1941 г., после окончания исторического факультета Московского государственного университета. Здесь он в течение 1941–1946 гг. работал учителем, а затем директором неполной средней школы в с. Оленек одноименного района. В эти же годы И.С. Гурвич становится ученым-корреспондентом Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при СНК ЯАССР (будущий ИЯЛИ ЯФ АН СССР), собирает материалы по религии, фольклору, традиционному хозяйству и быту местного населения в наслгах северо-западных Оленекского и Анабарского районов Якутии. В 1946 г. И.С. Гурвич возвращается в Москву и поступает в аспирантуру Института этнографии АН СССР, где пишет на основе аккумулированных сведений кандидатскую диссертацию «Оленекские и анабарские якуты (историко-этнографический очерк)», которая была успешно защищена в 1949 г.

Спустя год И.С. Гурвич вернулся в Якутию в качестве сотрудника ИЯЛИ ЯФ АН СССР. Следует отметить, что ученый оказался в небольшом тогда еще научном учреждении (штат института составлял всего 19 исследователей [11. Л. 21]) единственным подготовленным специалистом по этнографии коренных народов Севера – на тот момент в принципе единичной специализации в советской науке. Еще через год И.С. Гурвич приступил к осуществлению своих планов по проведению сплошного этнографического изучения аборигенных этносов, проживающих в арктических районах Якутии.

Одной из важнейших задач этих изысканий являлось определение реальной численности представителей коренных малочисленных народов Севера. Методика их учета в рамках проводившихся в 1920–1930-е гг. переписей населения вызвала у специалистов такие вопросы, что породила в начале 50-х гг. XX в. одну из оживленнейших публичных дискуссий в отечественной этнографии, вылившуюся в том числе на страницы журнала «Советская этнография» [12–15]. Активным участником этой дискуссии был и И.С. Гурвич, настаивавший на необходимости сочетания при учете численности аборигенных этносов Севера «тщательного критического анализа» материалов переписи с полевыми наблюдениями этнографов [13. С. 78].

Достаточно сложной была также ситуация с этнографическим изучением проживающих в арктических районах республики коренных малочисленных народов. Несмотря на то, что исследования среди них стали проводиться с XVIII в., а в XIX столетии они попали в фокус изысканий таких специалистов, как В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон, считающихся сейчас одними из

классиков отечественного североведения, стараний отдельных энтузиастов и организации спорадических инициатив было явно недостаточно для создания объективной картины этногенеза, исторического развития традиционного хозяйства и культуры аборигенных этносов [16. С. 37–145]. В частности, население Абыйского, Момского, Усть-Янского и Саккырырского районов (упразднен в 1958 г., в настоящее время большая его часть – Эвено-Бытантайский национальный улус) до середины XX в. вовсе не было охвачено специализированными этнографическими исследованиями.

В результате программа изысканий, составленная И.С. Гурвичем для экспедиции 1951 г. и затем частично корректировавшаяся перед полевыми исследованиями 1952 и 1953–1954 гг., включала проведение семейного опроса о национальной самоидентификации респондентов, определение их языковой принадлежности, изучение похозяйственных книг и списков, выяснение географической локализации и примерной численности коренного населения. Кроме того, И.С. Гурвич рассчитывал собрать материал о родоплеменной принадлежности опрошенных, истории административного деления, взаимоотношениях между различными этническими сообществами, а также рассмотреть социолингвистическую ситуацию, культуру, хозяйство и быт аборигенных этносов [17. Л. 1–15].

В 1951 г. И.С. Гурвич и сопровождавший его лаборант-переводчик, идентифицировать которого, к сожалению, на настоящий момент не удалось, провели исследования в Нижне- и Среднеколымском районах [18. С. 200]. Поскольку в состав последнего с некоторыми оговорками входила тогда территория современного Верхнеколымского района, то изысканиями было охвачено практически все аборигенное население бассейна Колымы в Якутии от ее верховьев до устья [19. Л. 29–35]. В 1952 г. экспедиционные исследования проводились уже в бассейне Индигирки: в Момском, Абыйском и Аллаховском районах Якутской АССР. Изыскания ученый вновь проводил в компании лаборанта-переводчика [20. Л. 1–15]. Наконец, в 1953–1954 гг. И.С. Гурвич и сменявшие друг друга лаборанты-переводчики А.Н. Божедонов, Е.Д. Колесов, С.Н. Горохов, Н. Ефимов, а также коллектор А.Н. Окроков работали среди коренного населения Верхоянского, Саккырырского, Усть-Янского, Булунского и Жиганского районов Якутии [21. Л. 1; 22. Л. 1].

Таким образом, учитывая, что в 40-е гг. XX в. И.С. Гурвич осуществил исследования в Оленекском и Анабарском районах, он стал первым этнографом, охватившим своими изысканиями все арктические районы Якутии.

При этом поражает длина маршрутов, проделанных ученым вместе со своими помощниками и каюрами на широком спектре транспортных средств – от тогда еще традиционных для Севера до технологичных: собаках, оленях, лошадях, ветках, лодках, катерах и пароходах. Только в ходе изысканий на Колыме и Индигирке исследователи преодолели более 5 200 км [19. Л. 3–4; 22. Л. 1; 23. Л. 6–7]. Точных данных по экспедиции 1953–1954 гг., к сожалению, не сохранилось, однако гигант-

ская площадь, занимаемая пятью вышеперечисленными районами, а также продолжительность исследований, составившая около полугода непрерывных полевых работ (с ноября по май), дают определенное представление о масштабах проделанного пути. Всего же в течение изысканий 1951–1954 гг. И.С. Гурвич находился в поле более 15 месяцев.

За это время ученый исследовал традиционную хозяйственную деятельность и выявил ареалы расселения аборигенных этнических сообществ, подготовил соответствующие карты-схемы и определил численность русских старожилов, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиrow и якутов в исследованных районах. При анализе численности представителей того или иного коренного народа И.С. Гурвичу приходилось заниматься на местах установлением реальной этнической принадлежности респондентов. Например, исследования в Булунском районе позволили ученому провести четкую грань между эвенским и эвенкийским населением, не только отсутствовавшую тогда в официальных документах, но и неочевидную для самих местных жителей [22. Л. 1].

На основе полученных во время экспедиций 1951–1954 гг. данных И.С. Гурвич проследил развитие ассимиляционных процессов, значительно ускорившихся, по его наблюдениям, после коллективизации, которая способствовала широкому распространению межнациональных браков, смешению культуры и обычаев коренных народов [19. Л. 7–46].

Одновременно в ходе исследований И.С. Гурвич выявил представителей некоторых из бывших родов аборигенных этносов, установил примерные территории их жизнедеятельности и входившие в них семьи. Значительное внимание в ходе экспедиций уделялось анализу социолингвистической ситуации. В частности, И.С. Гурвич определял язык, преобладавший в сферах администрирования, образования и быту местного населения [19. Л. 37–46; 23. Л. 9]. Интересны наблюдения ученого и за языком русских старожилов арктических районов Якутии – походчан и русскоустыинцев. Исследователь отметил значительное своеобразие их говоров, а также обилие в словарном фонде древнерусских слов и заимствований из языков соседних народов [19. Л. 23].

Во время экспедиций 1951–1954 гг. было сделано более тысячи фотоснимков, выполнены чертежи жилых и хозяйственных построек, зарисовки традиционной одежды коренных народов, обуви и орнамента [19. Л. 88–89; 21. Л. 8; 23. Л. 70–71]. И.С. Гурвич, таким образом, стал одним из пионеров североведческой визуальной антропологии в нашей стране. До него сопоставимыми умением и тягой к фотографированию при исследовании аборигенных этносов Якутии отличался только В.И. Иохельсон во время своих экспедиций 1895–1897 и 1901–1902 гг.

Кроме того, отдельным направлением изысканий являлся анализ современного состояния хозяйства, быта и благосостояния колхозов и колхозников. И.С. Гурвич охарактеризовал методику организации работы и хозяйственного цикла оленеводческих бригад, технику охоты и рыболовства, заготавливаемую в местных коллективных хозяйствах продукцию. Ученый установил

«узкие» места, мешающие их экономическому развитию и повышению благосостояния местного населения. Подобная социально-экономическая ориентированность изысканий И.С. Гурвича в дальнейшем будет только усиливаться [19. Л. 47–68; 21. Л. 3–9; 22. Л. 40–49, 83–86, 135–148, 171–174, 186–190; 23. Л. 43–70].

Этот факт был связан прежде всего с еще одним фактором, благоприятствующим научному изучению коренных малочисленных народов Севера Советского Союза в целом и Якутии в частности в рассматриваемый период. В 50-е гг. XX в. произошел резкий рост внимания органов власти к проблемам аборигенных этносов арктических и приарктических районов нашей страны. В результате был издан ряд правительственных постановлений, фактически на четверть века определивших политику государства по отношению к ним (постановления Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры малых народностей районов Севера» от 22 декабря 1954 г. и «О мерах помощи в развитии хозяйства и культуры районов Севера» от 10 декабря 1956 г., постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 16 марта 1957 г.). Как это часто бывает в нашей стране, такой рост внимания благотворно отразился на поддержке исследовательской деятельности среди коренных малочисленных народов Севера.

В частности, в рамках реализации правительственных решений в Институте этнографии АН СССР был создан сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера (сектор Севера). На сектор возлагалась задача изучения культуры и быта аборигенных этносов и в первую очередь их современного положения. Как отмечает Е.П. Батьянова, новое структурное подразделение должно было осведомлять директивные органы о текущей ситуации в среде коренных народов, направляя им специальные информационные документы – докладные записки [1. С. 18].

В 1955 г. ряды сектора Севера пополнил И.С. Гурвич, а его первой экспедицией в новом качестве стали изыскания в созданном годом ранее Верхнеколымском районе Якутии. Основное внимание в ходе этих исследований, проводившихся в течение августа 1956 г. в юкагирском колхозе «Светлая жизнь» и его административном центре с. Нелемное, ученый уделил изучению современного экономического и бытового положения верхнеколымских юкагиrow. В частности, И.С. Гурвич охарактеризовал состояние важнейших (рыболовство и охота) и вспомогательных (оленьеводство, коневодство и скотоводство) отраслей хозяйства, жилищных условий, качество услуг здравоохранения и образования [24. Л. 4–5].

Обращают на себя внимание смелые даже с учетом правительственных поручений и общей либерализации общественной жизни в стране выводы, среди которых резюме о бесперспективности и пагубности насаждения птицеводства, огородничества и свиноводства, имевшего место в начале 50-х гг. XX в. По мнению ученого, это приводило к распылению и без того недостаточной рабочей силы, а также к постоянной перегруженности наиболее трудоспособного населения,

отражавшейся, среди прочего, на его здоровье (например, из 82 обследованных летом 1956 г. юкагиров у 37 был обнаружен туберкулез). Наряду с этим И.С. Гурвич отмечал отсутствие у большинства семей личных хозяйств, их необеспеченность хозяйственным инвентарем (около четверти хозяйств не имели необходимого снаряжения даже для ведения рыболовства или охоты), а также низкую стоимость трудодня [Там же. Л. 7–14].

Учитывая подобную направленность изысканий, важное место в них отводилось выработке конкретных мер по повышению благосостояния местного населения и развитию колхоза «Светлая жизнь», которые были отражены в подготовленной ученым докладной записке [24. Л. 15–17].

Один из древнейших аборигенных этносов Российской Арктики, юкагиры, углубленное научное изучение которого имело значительные перспективы в плане реконструкции этнической истории региона, таким образом, находился в фокусе внимания И.С. Гурвича и во время экспедиционных работ 1951–1954 гг., и во время изысканий 1956 г. Однако наиболее полно исследовать этот народ ученому удалось немного позднее – в 1959 г., в ходе Юкагирской комплексной экспедиции (ЮКЭ).

С инициативой ее проведения после выхода в свет постановления «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» 1957 г. выступило руководство ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (к этому времени институт вошел в состав созданного Сибирского отделения). Инициатива получила поддержку со стороны Якутского филиала СО АН СССР, профинансировавшего исследования (на полевые работы было выделено 100 тыс. руб. при стоимости, например, автомобиля «Москвич 407» 16 тыс. руб.), и ведущих профильных учреждений страны – Института этнографии и Института языкознания АН СССР, которые согласились выделить для участия в работах своих научных сотрудников [25. Л. 35].

Состав участников ЮКЭ в результате сочетал как уже признанных специалистов, так и исследователей, которые не так давно начали свою научную карьеру. Ее руководителем, а также начальником археологического отряда являлся директор ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР З.В. Гоголев. Научным руководителем и начальником этнографического отряда экспедиции стал И.С. Гурвич. Лингвистический отряд возглавлял старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР Е.А. Крейнович, который на тот момент был не просто крупнейшим специалистом по юкагирскому языку, но и фактически единственным, кто углубленно занимался его исследованием в Советском Союзе. В частности, именно языку юкагиров была посвящена кандидатская диссертация исследователя, защищенная в 1948 г. Вместе с ними в работе экспедиции принимали участие И.М. Золотарева (Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР), К.И. Горохов, М.Я. Жорницкая, А.Н. Лаптев и С.А. Федосеева (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) [26. Л. 5].

Ко времени проведения экспедиции юкагиры являлись одним из наиболее малочисленных этносов среди

всех коренных народов северо-востока СССР. По данным переписи населения 1959 г., в Советском Союзе проживали всего 442 юкагира, в том числе 419 на территории Якутии и Магаданской области. В самой же Якутии были зафиксированы 276 юкагиров. При этом основная их часть была сосредоточена в трех арктических районах республики – Аллаиховском, Верхне- и Нижнеколымском [27]. Исследованиями ЮКЭ были охвачены все эти заполярные районы, а также Среднеколымский район Магаданской области (здесь изыскания ограничивались только работами И.С. Гурвича).

Рамки данной работы не позволяют подробно рассмотреть историю проведения Юкагирской комплексной экспедиции. В связи с этим представляется целесообразным остановиться в первую очередь на анализе ее научного значения и основных особенностей.

Важнейшей из них стала действительная комплексность изысканий, прекрасно прослеживаемая на примере программы экспедиции. Среди главных задач ЮКЭ в этом документе были определены: реконструкция истории хозяйственной деятельности, культуры и быта юкагиров; изучение языка, происхождения и физической организации представителей данного народа для выяснения его этногенеза; анализ происходящих этнических процессов; исследование современного хозяйства и культуры с целью разработки общих мер по улучшению положения населения северных районов Якутии [28. Л. 3]. Экспедиционные работы включали в себя археологические, историко-этнографические, фольклорно-лингвистические, физико-антропологические и социально-экономические изыскания.

При этом исследованиями были охвачены не только все поселки и села, являвшиеся местами компактного проживания юкагиров, но и оленеводческие стада, рыбалки и заимки, представлявшие хотя бы незначительную ценность для выполнения программы экспедиции. В этом отношении показателен пример физико-антропологических изысканий, организованных И.М. Золотаревой: из 276 юкагиров, проживавших тогда в Якутии, ими было охвачено 159 представителей этого этноса [21. Л. 30].

Еще одной ключевой особенностью ЮКЭ стало то, что юкагиры исследовались не в фактической изоляции от окружающих их аборигенных этносов (эвены, чукчи, якуты, русские арктические старожилы), как это довольно часто было ранее и случалось впоследствии, а в тесной связи с ними.

Следует отметить, что вплоть до Юкагирской комплексной экспедиции единственными изысканиями, в ходе которых предпринималась попытка рассмотреть все стороны жизни юкагиров – их язык, историю, культуру, быт и социальные отношения, – являлись вышеупомянутые ранее исследования, проведенные В.И. Иохельсоном. При этом полученные исследователем материалы при всей их уникальности и огромной ценности постепенно устаревали, а с развитием научной мысли некоторые из разработанных положений требовали серьезных уточнений и корректировки. Кроме того, основной акцент В.И. Иохельсон делал на изучении так называемых лесных юкагиров – жителей верховьев Колымы, их тундренным же сородичам,

живущим севернее, он уделит значительно меньше внимания.

В связи с этим основная часть изысканий в рамках ЮКЭ была проведена в Нижнеколымском и Аллаиховском районах. Так, из 5 месяцев работы этнографического отряда 3,5 заняли исследования именно в них. Лингвистический отряд же вовсе работал в Нижнеколымском районе 4,5 месяца. С исследований участника этого отряда юкагира А.Н. Лаптева и начались полевые работы в рамках ЮКЭ. 16 февраля 1959 г. он прилетел в Нижнеколымск из Якутска, а на следующий день был уже в с. Колымское – главном месте сосредоточения усилий филологов. Продолжались же экспедиционные изыскания до конца августа, завершившись работами И.С. Гурвича в Среднеканском районе Магаданской области [26. Л. 27–273; 29. Л. 42].

Так же как и во время рассмотренных ранее исследований, транспортные схемы участников ЮКЭ являлись симбиозом старого и нового: перемещения из отправного пункта экспедиции – Якутска – до места проведения полевых работ, а также из одного района в другой осуществлялись на самолетах; в «поле», наряду с моторными лодками и катерами, использовались собаки, олени, лошади и ветки [29. Л. 43].

При этом если участники лингвистического отряда работали фактически автономно, то члены этнографического и археологического отрядов взаимозаменяли друг друга. Так, начальник этнографического отряда И.С. Гурвич принимал участие в археологических раскопках, а археолог С.А. Федосеева в период до начала раскопок (с июня, когда началось оттаивание почвы) работала как этнограф, собирая сведения о традиционной хозяйственной деятельности, погребальном обряде, кулинарных практиках и обычаях местных жителей [26. Л. 103–142; 30. Л. 2].

Следует отметить, что ни до, ни после Юкагирской комплексной экспедиции в местах компактного проживания юкагиров исследований подобного формата и масштабов, с привлечением ведущих в стране специалистов, не проводилось. Именно работам ее участников мы обязаны многими из современных представлений о юкагирах, включая сведения об их этногенезе, истории, языке, культуре и хозяйственной деятельности.

В частности, выявленные в ходе ЮКЭ сведения дали возможность И.С. Гурвичу сделать вывод о существовавших ранее тесных контактах между юкагирами и нганасанами, а также о наличии до прихода русских в тундровых и лесотундровых районах севера России цепи охотничье-оленьеводческих племен. В конце 1980-х гг. выводы ученого о родстве юкагиров и нганасан были подтверждены в результате анализа генетико-демографических данных [31. С. 58–59].

Являвшиеся во многих отношениях пионерскими физико-антропологические исследования И.М. Золотаревой позволили на основе богатого эмпирического материала подтвердить сформулированную незадолго до ЮКЭ концепцию об особом положении юкагиров среди всех антропологических типов северо-востока России и их отнесении к байкальскому типу [26. Л. 50–53]. Эта концепция расходилась с популярной ранее гипотезой В.И. Иохельсона, сближавшего

юкагиров по антропологическому типу с коряками, камчадалами, чукчами и индейцами северо-западного побережья Америки [32. Р. 44]. На настоящий момент антропологическая принадлежность юкагиров к байкальскому типу является в научном мире общепризнанной.

Подверглось корректировке и выработанное В.И. Иохельсоном положение о близости юкагирского языка с языками аборигенных этносов Северной Америки. В результате Юкагирской комплексной экспедиции Е.А. Крейновичем был аккумулирован комплекс материалов, характеризующих особенности синтаксиса, морфологического строя и фонетики языка юкагиров. На основе их анализа ученый отнес основу юкагирского языка к уральской языковой семье. Вплоть до последнего времени гипотеза о родстве юкагирского языка с уральскими являлась среди исследователей преобладающей. Кроме того, Е.А. Крейнович осуществил первый глубокий анализ грамматики диалектов тундренных и лесных юкагиров, отметил их значительные лексические расхождения, а также различия в звуковом строении и внутренней структуре целого ряда слов [33. С. 3–272]. Впоследствии эти положения получают развитие в работах ряда лингвистов (включая ученика Е.А. Крейновича юкагира Г.Н. Курилова, сыгравшего значительную роль в обработке материалов ЮКЭ), которые придут к выводу о наличии не диалектов, а двух самостоятельных языков.

Неоценимо и значение работы второго участника лингвистического отряда А.Н. Лаптева, который, помимо помощи Е.А. Крейновичу, составил уникальную рукописную коллекцию из 100 фольклорных текстов: юкагирских сказок, рассказов, легенд, преданий и загадок [34–36].

Помимо участников этого отряда изыскания филологического плана осуществил и И.С. Гурвич. В частности, проведя исследования в поселениях русских старожилов, ученый отметил их быстрое сближение с пришлым русскоязычным населением, в результате которого, а также под воздействием развития СМИ произошло стремительное («всего за несколько лет» с момента исследований 1951–1952 гг.) разрушение нижнеколымского и походского говоров [26. Л. 39–42].

Именно в рамках ЮКЭ были проведены первые специализированные исследования археологов в Аллаиховском районе, в Нижне- и Верхнеколымском же они стали вторыми после изысканий А.П. Окладникова 1946 г. – арктические районы республики были на тот момент практически не изучены с археологической точки зрения [30. Л. 1–2; 37. Л. 22–24].

Внимание участников экспедиции к различным этническим группам позволило создать действительно широкую панораму жизни местного населения, которая нашла отражение в том числе в докладной записке, подготовленной И.С. Гурвичем. Документ был посвящен анализу современного социально-экономического положения коренных народов северо-востока Якутии. В нем получил развитие критический подход, характерный для рассмотренной ранее записки, составленной ученым по результатам экспедиции 1956 г.

В частности, негативную оценку на примере исследованного в рамках ЮКЭ ареала, помимо отмеченных

выше замечаний относительно неоправданного распыления лимитированных трудовых ресурсов и перегруженности работников местных колхозов, крайне ограниченных размеров или полного отсутствия личных подсобных хозяйств, получили проведенное в ходе коллективизации укрупнение оленьих стад, укрупнение по примеру центральных районов страны колхозов на севере Якутии, неразумная погоня за выполнением производственных планов и многое другое [26. Л. 305–341].

Следует отметить, что после прекращения И.С. Гурвичем своих исследований в Якутии в начале 60-х гг. XX в. подобные критически направленные оценки применительно к условиям жизни аборигенных этносов в ее арктических районах автору данной статьи удалось встретить только в работах уже перестроечного периода. К сожалению, нет уверенности, что здесь сказалось действительно улучшение социально-экономического положения проживающих в регионе представителей коренных малочисленных народов Севера.

В рамках краткого анализа истории проведения Юкагирской комплексной экспедиции уже были затронуты вопросы научного изучения языков и фольклора юкагиров. Не менее плодотворно в 50-е гг. XX в. филологические изыскания велись и в отношении еще одного аборигенного этноса – эвенов. Вместе с тем следует оговориться, что в рассматриваемый в данной работе период сложно выделить какие-либо самостоятельные исследования касательно языка и фольклора представителей других коренных народов, населяющих арктические районы Якутии – долган, эвенков и чукчей. Споры вокруг самостоятельности долганского языка продолжаются и в наше время, а в 1950–1980-е гг., возможно в том числе под влиянием упомянутой выше дискуссии в журнале «Советская этнография», анабарских долган даже не фиксировали переписи населения. Эвенки рассматриваемого ареала являлись носителями якутского языка, и лингвистические изыскания, проводимые в их среде, как правило, посвящались анализу влияния эвенкийского языка на якутский. Масштабы же исследований чукотского языка в Якутии, к сожалению, вплоть до наших дней оставляют желать лучшего.

Следует отметить, что ситуация с изученностью эвенского языка к 1950-м гг. была лишь немногим лучше положения с этнографической изученностью коренных малочисленных народов Севера Якутии. На протяжении XVIII – начала XX в. в поле зрения исследователей (М.М. Робек, Г.Л. Майдель, В.Г. Богораз) фактически попадало только эвенское население низовий Колымы. Лишь в 1930-е гг., в рамках работы по всеобщей ликвидации безграмотности и созданию письменности для не имевших ее народов, были получены первые материалы по языку эвенов Саккырырского, Булунского и Усть-Янского районов Якутии. Эти материалы собирала Л.Д. Ришес (Институт народов Севера, Ленинград) [38. Л. 1–24]. К сожалению, значительная их часть была утрачена в годы Великой Отечественной войны.

Тогда же, в 1930-е гг., были выделены западный (Усть-Янский, Булунский, Саккырырский районы) и восточный (все остальные районы) диалекты эвенского языка [Там же. Л. 77].

Характеризуя важность продолжения научного изучения эвенского языка в Якутии в 50-е гг. XX в. и постановки его на систематические начала, представляется необходимым упомянуть два момента. Во-первых, к этому времени на базе ольского говора эвенов Хабаровского края была создана и активно внедрялась эвенская письменность. Во-вторых, следует отметить, что, несмотря на достаточно малочисленность эвенов в Якутии (3 537 чел. по переписи 1959 г.), они проживали в Оймяконском, Момском, Абыйском, Аллаиховском, Томпонском, Усть-Янском, Саккырырском, Булунском, Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах республики [39. С. 50]. При этом указанная дисперсность расселения имела достаточно глубокие исторические корни, что обуславливало отличия местных диалектов как друг от друга, так и от разработанных литературных норм. Все это, естественно, диктовало необходимость внимания ученых к каждой из территориальных групп эвенского населения Якутии.

С июля до ноября 1953 г. в Якутске и Саккырырском районе исследованием говоров эвенского языка и возможностей использования созданной эвенской письменности в школах региона занималась К.А. Новикова (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР). В результате опроса 26 респондентов она записала 700 рукописных страниц образцов ламунхинского, тугесирского, томпонского, аллаиховского и момского говоров эвенского языка, 500 из которых приходилось на саккырырцев, а также составила рабочий вариант диалектологического словаря из 8 000 слов [40. Л. 4–7]. Одновременно К.А. Новикова определила важнейшие проблемы в образовательном процессе эвенов в Якутии (нехватка педагогических кадров, владеющих эвенским; недостаточное количество учебной и художественной литературы на родном языке и неэффективное использование имеющейся; диалектологические различия) и потенциально пригодные для перевода обучения начальных классов на эвенский или эвенкийский языки школы [Там же. Л. 42–43].

Наибольшие же успехи в отношении научного познания эвенского языка в Якутии в рассматриваемый период были связаны с именем упоминавшейся выше Л.Д. Ришес (1904–1971). Выпускница географического факультета Ленинградского государственного университета (1929), она в 1948 г. была принята на работу в Якутскую научно-исследовательскую базу Академии наук СССР. В составе базы, а затем ИЯЛИ ЯФ АН СССР она проработала (с перерывом на 1949–1954 гг.) до 1958 г. Именно в период трудовой деятельности в институте Л.Д. Ришес совместно с В.И. Цинциус был подготовлен и издан предназначенный для преподавателей и студентов Эвенско-русский словарь (1957). Примечательно, что только в 2004 г. на смену этому пособию пришло более полное издание, составленное В.А. Роббеком и М.Е. Роббек.

В течение 1955–1957 гг. при участии Л.Д. Ришес были проведены полевые исследования в районах распространения восточного диалекта эвенского языка в Якутии, представлявшие ранее в исследовательском плане «невспаханное поле».

Так, она являлась руководителем диалектологических экспедиций ИЯЛИ ЯФ АН СССР в Момский (1955), Средне- и Верхнеколымский (1956) районы Якутии, в ходе которых ее единственным помощником являлся студент Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена В.Д. Лебедев [41. Л. 35–44; 42. Л. 1–2; 43. Л. 1–2]. В 1957 г. В.Д. Лебедев проводил уже самостоятельные изыскания в Мямляготниканском наслеге Томпонского района по программе, составленной В.И. Цинциус и дополненной Л.Д. Ришес [44. Л. 2–7].

О масштабах осуществленной полевой работы можно судить на примере экспедиции в Момский район. Ее продолжительность превысила 5 месяцев (апрель–сентябрь), а протяженность маршрутов составила около 1 780 км. Из Якутска до Момы исследователи добирались на самолетах, к месту изысканий – «зимним путем на нартах», обратно же следовали верхом на лошадях [41. Л. 2].

В ходе экспедиции было записано более 1 000 страниц текстов с переводами, собраны материалы по грамматике и фонетике эвенского языка, а также составлен рабочий вариант словаря (около 4 500 слов, относящихся к названиям месяцев, времен года, жилищ, одежды, домашней утвари, диких животных, различных явлений природы, термины родства и др.) [Там же. Л. 21–23].

Особое внимание в ходе экспедиций уделялось сравнительному анализу местных диалектов с литературным эвенским языком, а также изучению уровня его сохранности среди разных возрастных групп. Примечательно, что на момент проведения изысканий хорошие показатели владения эвенским языком были у большинства дошкольников, которые зачастую не знали других языков, кроме эвенского [43. Л. 34–35]. При этом ситуация менялась после поступления ребенка в школу. Например, эвенские ученики преимущественно якутской по национальному составу Арылахской средней школы Верхнеколымского района после начала обучения овладевали якутским и начинали утрачивать знание родного языка, в этом также сказался отрыв от семьи в связи с необходимостью переезда в интернаты [42. Л. 2–26; 43. Л. 3–35].

Результаты проведенных в 1955–1957 гг. изысканий позволили Л.Д. Ришес сделать вывод о фактически промежуточной позиции говоров эвенского населения Момского, Томпонского и Верхнеколымского районов в разработанной ранее системе диалектов эвенского языка: с одной стороны, справедливым являлось их отнесение к восточному диалекту, с другой – в грамматическом строе и лексическом составе наблюдались значительные параллели с западным (позднее в эвенском языке вместо диалектов стали выделять восточное, западное и среднее наречия). Эти отличия исследованных в Якутии говоров от литературного языка делали, по мнению ученой, выпускаемые на эвенском языке работы «трудно доходчивыми» для потенциальных читателей [44. Л. 72–73].

Следует отметить, что в 60-е гг. XX в., уже после отъезда Л.Д. Ришес из Якутии, научное изучение говоров эвенского языка получит успешное продолжение благодаря принятому на работу в ИЯЛИ ЯФ СО АН

СССР В.Д. Лебедеву, который охватит своими исследованиями Усть-Янский, Верхоянский, Абыйский, Саккырырский, Средне- и Нижнеколымский районы Якутии. Этот ученый окажется одним из зачинателей практики, в соответствии с которой в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (преемник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) изучением различных вопросов развития и функционирования языков коренных народов занимаются их носители. Масштабы же этнографических изысканий после упоминавшегося прекращения И.С. Гурвичем своих исследований в Якутии в начале 60-х гг. XX в., а также перехода М.Я. Жорницкой на работу в Институт этнографии АН СССР претерпят значительный секвестр. Фактически, за редким исключением, вплоть до 1980-х гг. отдельные полевые работы в арктических районах Якутии будут проводить лишь этнографы из центральных научно-исследовательских учреждений страны. Только в 70-е гг. XX в. выйдут на сопоставимый рассмотренному в статье периоду уровень исследования социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера.

Подводя некоторые итоги истории исследовательской деятельности в арктических районах Якутии в 1950-е гг., представляется справедливым отметить, что в эти годы в деле научного познания коренных малочисленных народов Севера произошел настоящий прорыв. Именно в 50-е гг. XX в. было проведено первое сплошное этнографическое исследование аборигенных этносов региона, осуществлена объективная и адекватная оценка их текущего социально-экономического положения. Значительными достижениями характеризовались изыскания в области языков коренных народов, процесс научного изучения которых был поставлен на систематические начала. Апофеозом же исследовательской работы стала Юкагирская комплексная экспедиция, являющаяся одной из эталонных инициатив в истории научного изучения коренных малочисленных народов Севера в Российской Арктике. Главнейшим результатом всех проведенных в рассмотренный период работ была документация массива уникальной информации, которая характеризовала стремительно растворявшиеся в ходе резко интенсифицировавшихся унификационных процессов самобытные традиционные культуры Севера.

Названные, а также другие успехи ученых, в том числе оставшиеся вне рамок данной статьи, стали возможны благодаря сочетанию целого ряда объективных и субъективных факторов: от роста заинтересованности властных структур и упрощения логистики исследовательской деятельности до появления в этот период в Якутии талантливых научных кадров. В целом же, как и жизнь представителей коренных народов, процесс их научного познания в 1950-е гг. представлял сочетание старого и нового. Это касалось как, например, мобильности ученых, которая предполагала набор технологичных и консервативных транспортных средств, так и собственно кадрового состава исследователей. Так, И.С. Гурвич, изысканиям которого была посвящена значительная часть данной статьи, фактически являлся последним в истории научного познания корен-

ных малочисленных народов Севера в Якутии ученым-энциклопедистом. Его исследованиями был охвачен широкий спектр этнографических, лингвистических, фольклорных, социологических, экономических и археологических проблем. Если ранее в отечественном североведении такая многопрофильность была традиционной, то рассмотренный и в особенности последующий периоды характеризовались углублением спе-

циализации исследователей. При этом именно в 50-е гг. XX в. началась систематическая практика, при которой научным изучением коренных малочисленных народов Севера в Якутии стали заниматься их представители, которые стали не только объектами изысканий или – в лучшем случае – помощниками при их проведении, а полноценными акторами исследовательского процесса.

Список источников

1. Батянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17–34.
2. Сулейманов А.А. Этнографическое изучение коренных народов арктических районов Якутии в 1951–1954 гг. // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 2. С. 56–60.
3. Сулейманов А.А. Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 74–78.
4. Боякова С.И. Гуманитарные проблемы Арктики: основные направления научных исследований // Якутия в российском научном пространстве XX – нач. XXI вв.: гуманитарные исследования : сб. науч. ст. / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитарных исслед.; редкол.: В.Н. Иванов (отв. ред.), Н.Н. Ефремов. Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. С. 56–70.
5. Прокопьева П.Е. Юкагирские исследования в ИГИИПМНС СО РАН // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3. С. 79–83.
6. Шарина С.И. Вклад якутских исследователей в изучение эвенского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3. С. 72–78.
7. Сулейманов А.А. Научное изучение эвенского языка в Якутии в 50-е гг. XX в. // Академические исследования в Якутии: «территория историка» : сб. статей, посвящ. юбилею профессора Д.А. Шириной. Якутск : Алмас, 2016. С. 285–294.
8. Батянова Е.П., Жорницкая М.Я., Мухамедьяров Ш.Ф., Томилов Н.А. Илья Самуилович Гурвич как ученый и человек // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии и языкознания) : материалы всерос. конф. Омск, 1992. С. 15–26.
9. Роон Т.П., Сирина А.А. Е.А. Крейнович: жизнь и судьба ученого // Репрессированные этнографы. М. : Восточная литература РАН, 2003. Вып. 2. С. 47–77.
10. Саввинов А.И. Север Якутии в исследованиях И.С. Гурвича // Якутский архив. 2009. № 3-4. С. 117–120.
11. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 188. Оп. 8. Д. 164.
12. Гурвич И.С. К вопросу об этнической принадлежности населения Северо-Запада Якутской АССР // Советская этнография. 1950. № 4. С. 150–168.
13. Гурвич И.С. По поводу определения этнической принадлежности населения бассейнов рек Оленека и Анабара // Советская этнография. 1952. № 2. С. 73–85.
14. Долгих Б.О. О населении бассейнов рек Оленека и Анабара // Советская этнография. 1952. № 2. С. 86–91.
15. Терлецкий П.Е. Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР // Советская этнография. 1951. № 1. С. 88–99.
16. Ширина Д.А. Россия: научное исследование Арктики. XVIII в. – 1917 г. Новосибирск : Наука, 2001. 191 с.
17. Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения (РФА ЯНЦ СО) РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 233.
18. Гурвич И.С. Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 году // Советская этнография. 1952. № 3. С. 200–209.
19. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 231.
20. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 247.
21. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 250.
22. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 258.
23. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 236.
24. Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (НА ИЭА) РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 24.
25. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201.
26. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359.
27. Всесоюзная перепись населения 1959 года // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 05.05.2019).
28. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202.
29. НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39.
30. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 356.
31. Посух О.Л. Генетико-демографическое изучение популяций эвенов и юкагиров Якутии // Популяционно-генетическое изучение северных народностей : сб. ст. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т цитологии и генетики; отв. ред. В.К. Шумный, С.Н. Родин. Новосибирск : ИЦИГ, 1992. С. 41–65.
32. Johelson W. Peoples of Asiatic Russia. New York : The American Museum of Natural History, 1928. 277 p.
33. Крейнович Е.А. Исследования и материала по юкагирскому языку. Л. : Наука, 1982. 304 с.
34. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34.
35. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35.
36. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 36.
37. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361.
38. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 28.
39. Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности. Вторая половина XX в. Новосибирск : Наука, 2007. 176 с.
40. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 26.
41. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 496.
42. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 27а.
43. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 30.
44. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 39.

References

1. Batyanova, E.P. (2013) The North Expedition of the Institute of Ethnography (1956–1991). *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 17–34. (In Russian).

2. Suleymanov, A.A. (2015) Ethnographic research on indigenous peoples of the Arctic regions of Yakutia in the 1951–1954. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 2. pp. 56–60. (In Russian).
3. Suleymanov, A.A. (2014) Yukagirskaia kompleksnaya ekspeditsiya 1959 g. [Yukagir complex expedition of 1959]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 74–78.
4. Boyakova, S.I. (2005) Gumanitarnye problemy Arktiki: osnovnye napravleniya nauchnykh issledovaniy [Humanitarian problems of the Arctic: the main directions of research]. In: Ivanov, V.N. & Efremov, N.N. (eds) *Yakutiya v rossiyskom nauchnom prostranstve XX – nach. XXI vv.: gumanitarnye issledovaniya* [Yakutia in the Russian scientific space of the 20th – early 21st centuries: Humanitarian research]. Yakutsk: SB RAS. pp. 56–70.
5. Prokopieva, P.E. (2015) Yukagiovedcheskie issledovaniya v IGI PMNS SO RAN [Yukaghir studies at the IGI PMNS SB RAS]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik – North-Eastern Journal of The Humanities*. 3. pp. 79–83.
6. Sharina, S.I. (2015) Vklad yakutskikh issledovateley v izucheniye evenskogo yazyka [The contribution of Yakut researchers to the study of the Even language]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik – North-Eastern Journal of The Humanities*. 3. pp. 72–78.
7. Suleymanov, A.A. (2016) Nauchnoye izucheniye evenskogo yazyka v Yakutii v 50-e gg. XX v. [The scientific study of the Even language in Yakutia in the 1950s]. In: *Akademicheskie issledovaniya v Yakutii: "territoriya istorika"* [Academic research in Yakutia: "The territory of the historian"]. Yakutsk: Almas. pp. 285–294.
8. Batyanova, E.P., Zhornitskaya, M.Ya., Mukhamedyarov, Sh.F. & Tomilov, N.A. (1992) Il'ya Samuilovich Gurvich kak uchenyy i chelovek [Ilya Samuilovich Gurvich as a scientist and a person]. In: Seleznev, A.G. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sosed'nykh territoriy (po dannym etnografii i yazykoznaniya)* [Ethnic history of the Turkic peoples of Siberia and adjacent territories (according to ethnography and linguistics)]. Omsk: OSPU. pp. 15–26.
9. Roon, T.P. & Sirina, A.A. (2003) E.A. Kreynovich: zhizn' i sud'ba uchenogo [E.A. Kreynovich: the life and fate of a scientist]. In: Tumarkin, D.D. (ed.) *Repressirovannyye etnografy* [Repressed Ethnographers]. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 47–77.
10. Savvinov, A.I. (2009) Sever Yakutii v issledovaniyakh I.S. Gurvicha [North of Yakutia in the studies of I.S. Gurvich]. *Yakutskiy arkhiv*. 3-4. pp. 117–120.
11. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 188. List 8. File 164.
12. Gurvich, I.S. (1950) K voprosu ob etnicheskoy prinadlezhnosti naseleniya Severo-Zapada Yakutskoy ASSR [On the ethnicity of the population of the North-West of the Yakut ASSR]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 150–168.
13. Gurvich, I.S. (1952a) Po povodu opredeleniya etnicheskoy prinadlezhnosti naseleniya basseynov rek Oleneka i Anabara [Regarding the definition of the ethnicity of the population of the basins of the Olenek and Anabar rivers]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 73–85.
14. Dolgikh, B.O. (1952) O naselenii basseynov rek Oleneka i Anabara [On the population of the basins of the Olenek and Anabar rivers]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 86–91.
15. Terletskiy, P.E. (1951) Eshche raz k voprosu ob etnicheskom sostave naseleniya severo-zapadnoy chasti Yakutskoy ASSR [The ethnic composition of the population of the northwestern part of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic revised]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 88–99.
16. Shirina, D.A. (2001) *Rossiya: nauchnoye issledovanie Arktiki. XVIII v. – 1917 g.* [Russia: scientific research of the Arctic. The 18th century – 1917]. Novosibirsk: Nauka.
17. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 233.
18. Gurvich, I.S. (1952b) Etnograficheskaya ekspeditsiya v Nizhne-Kolymskiy i Sredne-Kolymskiy rayony Yakutskoy ASSR v 1951 godu [Ethnographic expedition to the Nizhne-Kolyma and Sredne-Kolyma regions of the Yakut ASSR in 1951]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 200–209.
19. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 231.
20. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 247.
21. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 250.
22. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 258.
23. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 236.
24. The Scientific Archive of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA) RAS. Fund 142. List 2. File 24.
25. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 142. List 1. File 1201.
26. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 359.
27. Russia. (n.d.) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda* [All-Union Population Census of 1959]. [Online] Available from: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (Accessed: 5th May 2019).
28. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 142. List 1. File 1202.
29. The Scientific Archive of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA) RAS. Fund 142. List 2. File 39.
30. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 356.
31. Posukh, O.L. (1992) Genetiko-demograficheskoe izucheniye populyatsiy evenov i yukagirov Yakutii [Genetic and demographic study of the populations of the Evens and Yukaghirs of Yakutia]. In: Shumnyy, V.K. & Rodin, S.N. (eds) *Populyatsionno-geneticheskoe izucheniye severnykh narodov* [Population-genetic study of northern peoples]. Novosibirsk: ITsIG. pp. 41–65.
32. Johelson, W. (1928) *Peoples of Asiatic Russia*. New York: The American Museum of Natural History.
33. Kreynovich, E.A. (1982) *Issledovaniya i materiala po yukagirskomu yazyku* [Research and material on the Yukaghir language]. Leningrad: Nauka.
34. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 34.
35. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 35.
36. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 36.
37. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 361.
38. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 14. File 28.
39. Filippova, V.V. (2007) *Korennye malochislennyye narody Severa Yakutii v menyayushchemsya prostranstve zhiznedeyatel'nosti. Vtoraya polovina XX v.* [Indigenous peoples of the North of Yakutia in the changing space of life. Second half of the 20th century]. Novosibirsk: Nauka.
40. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 14. File 26.
41. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 5. File 496.
42. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 14. File 27a.
43. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 14. File 30.
44. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 14. File 39.

Сведения об авторе:

Сулейманов Александр Альбертович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия). E-mail: alexas1306@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Suleymanov Alexander A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Arctic Research of the Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia). E-mail: alexas1306@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2020; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 25.02.2020; accepted for publication 05.07.2022